

*Микитюк С. С.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри іноземних мов № 1
Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого*

ТРАНСФОРМАЦІЯ БАЛЛАДНОЇ ПОЕТИКИ Р. САУТИ В ПЕРЕВОДАХ В. А. ЖУКОВСЬКОГО 1830-Х РОКІВ

Анотація. Стаття посвячена особливостям переводов баллад Р. Саути В. А. Жуковским в 1830-е годы, связанных с жанровыми поисками русского поэта. Эта работа готовила появление «дидактического эпоса» 1830–40-х годов в творчестве русского романтика.

Ключевые слова: баллада, перевод, романтизм, В. А. Жуковский, Р. Саути.

Постановка проблемы. Поэзия Р. Саути была предметом пристального внимания В.А. Жуковского более трех десятилетий. Творческая эволюция русского поэта к романтической балладе, а от баллады к большим эпическим повествованиям объясняла характер восприятия произведений английского романтика.

Первое обращение В.А. Жуковского к Р. Саути принято относить к 1813 году (работа над переводом баллады «Рюдигер»), связанное с расцветом жанра баллады в поэзии русского романтика, интересом к фантастико-мистическому восприятию. Однако имеются данные о более раннем взаимодействии двух поэтов. Л. Аринштейн, анализируя поэму Р. Саути «Марш на Москву» (1813), делает вывод, что источником поэтического вдохновения Р. Саути послужило хорошо известное в Англии стихотворение В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812). Два произведения схожи как тематически, так и структурно: они построены на перечислении имен русских военачальников, прославившихся в боях с наполеоновской армией, и их кратких характеристиках. В английской поэзии это был первый опыт такого построения произведения на военную тему [1]. Следовательно, литературные пути Р. Саути и В.А. Жуковского пересеклись еще в 1812 году. Двумя годами раньше, задумав написать эпическую поэму «Владимир», русский поэт составил список авторов, с которыми считал нужным познакомиться для написания поэмы. Наряду с Гомером, Вергилием, Овидием, Мильтоном и Шекспиром было упомянуто имя Р. Саути. А в письме А. Тургеневу от 1 декабря 1814 года Жуковский просит выпросить у Уварова поэму «Талаба Разрушитель», которая могла бы пригодиться для его «Владимира» [2, с. 97].

Многолетнее изучение русским поэтом поэтики Р. Саути способствовало не только жанровым экспериментам В.А. Жуковского, но и открывало новые направления для развития русской поэзии.

Анализ исследований и публикаций. Несмотря на интерес к проблеме «В.А. Жуковский – Р. Саути» литературоведов разных поколений (Ц. Вольпе, И. Семенко, А. Веселовский, Р. Самарин, В. Ивашева, А. Елистратова, В. Костин, К. Обер, В. Обер и др.) проблема остается изученной не полностью и избирательно, чем обуславливает наличие пробелов в наших представлениях о взаимодействии двух поэтов и истории русско-английских литературных связей.

Цель статьи – изучить особенности переводов баллад Р. Саути В.А. Жуковским в 1830-е годы, связанных с творческой эволюцией переводчика.

Последний этап серьезного сотрудничества с Р. Саути относится к марту-июню 1831 года. В это время Жуковский заново обращается к балладе, что было связано с опытом предшествующего десятилетия. Баллада видоизменяется – в ней объективируется контекст, усиливается религиозно-дидактический и морализаторский элемент, меняется характер фантастики. Таким образом происходит жанровое переосмысление баллад Р. Саути. В этот период поэт переводит баллады «Доника», «Суд божий над епископом Гаттоном», «Королева Ураку» и создает произведение «Две были и одна», представляющее в первых двух частях перевод баллад Р. Саути “Mary, the Maid of the Inn” и “Jaspar”. В переводах 1831 г. отразилась дальнейшая эволюция Жуковского – эпического писателя, они стали своего рода подготовкой «дидактического эпоса»

1830–1840-х гг. Русский переводчик осуществляет жанровое переосмысление баллад Р. Саути. Повесть «Две были и еще одна» наряду с переложениями идиллий И. Гебеля завершают первое издание «Баллад и повестей» В.А. Жуковского. По точному замечанию Ц. Вольпе, баллады Р. Саути «переведены на язык гебелевских идиллий» [4, с. 483]. Эту же мысль высказывает И. Семенко: «Характерный для И. Гебеля тон идиллического простодушия нравоучительности во всем произведении» [3, с. 479].

В повести появляется образ доброго дедушки, играющий структурную функцию: он соединяет вместе три были. Дедушкины рассказы позволяют Жуковскому переводить философию судьбы на язык бытовых представлений. В трагических историях Эммы, Бранда, Каспара и веселой истории о Канниферштане, рассказанных посредником, образ автора уходит на второй план. Это было связано с переходом В.А. Жуковского к новому типу повествования.

Идиллическое начало повести принадлежит В.А. Жуковскому и, как было упомянуто ранее, написано в стиле поэзии И. Гебеля («Красный карбункул», «Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь»). Первое повествование является свободным переложением баллады “Mary, the Maid of the Inn” («Мэри, служанка таверны»). Поэт заменяет размер оригинала – строфический амфибрахий, перемежающийся с анапестом, на гекзаметр и переводит рассказ в сочувственное эпическое повествование о девушке, наделенной чертами идиллической добродетели в духе немецкого сентиментализма: «Кто всегда так опрятно и чинно одет был? Кого наш священник / Девушкам всем в образец поставял? Кто, шумя как ребенок / Резвый на игрищах, был так набожно тих за молитвой? / Словом: кто бедным был друг, за больными ходил с огорченьем / Плакал, с детьми играл, как дитя?» [3, с. 286].

Она влюблена в негодя Бранда. Образ героя у В.А. Жуковского контрастен: он «был молод, умен и красив». Этим и объясняется любовь Эммы. И в то же время «слухи носились об нем: он с людьми недобрыми знался». Вводит поэт мотив всеобщего сочувствия героине: «И все жалели об ней». Повествование от начала до конца приобретает религиозную окраску, отсутствующую в подлиннике. Так, встречу с Брандом и последующие события поэт называет испытанием, посланным ей свыше: «Сам ли господь ей хотел послать на земле испытанье, / С тем, чтоб душа ее, здесь в страданьях очистившись, прямо / В рай перешла...» [3, с. 286].

Описание бури в переводе более зловеще, В.А. Жуковский вводит свои строки: «...Все покрывала темнота гробовая, и тучи, как черные горы, задвинув небо, страшно ворочались» [4, с. 287].

Переделяет поэт и финал баллады Р. Саути – в переводе описание смерти подробнее: «Ах! И упала на пол без чувства: / Брандово имя стояло на шляпе... / В этот миг помутился рассудок / Бедной Эми; господь милосердный недолго страдать ей / Дал на земле: ее отнесли на кладбище» [3, с. 288].

Сходной перестройке подвергается и вторая баллада Р. Саути “Jaspar” («Джаспар»). Во втором рассказе о Каспаре вновь повествование приобретает морально-религиозный характер. Повествуя о праздном и порочном образе жизни героя, поэт замечает: «На злодейство / Трудно ль решиться тому, кто шатается праздно, не помня, Бога?» [3, с. 288].

В финале рассказа герой, обезумевший и одичавший, изредка выбегает из своего убежища и шепчет: «Он видит, он видит» [3, с. 289].

Таким образом, баллады Р. Саути легли в основу повести «Две были и еще одна». История их героев, рассказанная устами бабушки, призвала читателей покориться необходимости, чтобы яснее осознать свои возможности как человека и, как писал сам В.А. Жуковский, «закалить душу против всего житейского» и «смотреть на жизнь с настоящей точки зрения» [5, с. 229].

В марте 1831 года В.А. Жуковский переводит балладу Р. Саути “God’s Judgment on a Wicked Bishop” («Суд божий над грешным епископом»), вышедшую в 1799 г. в Morning Post. Перевод «Суд божий над епископом» впервые был опубликован в 1831 году в «Балладах и повестях В.А. Жуковского». Следует заметить, что русский читатель уже был знаком с преданием о скупом архиепископе города Майнца Гаттоне в стиховом его изложении Симеоном Полоцким «Казнь за сожжение нищих», включенном в сборник «Вертоград многоцветный» (1678).

Переводчик оставил непереуверенным предисловие, написанное к английскому тексту. В целом перевод баллады вольный. Расширяется объем повествования: 88 стихов вместо 76. Русский поэт вносит в перевод стилистические и ритмические изменения. Не сохраняется размер оригинала – балладный тонический стих. Р. Саути в особо напряженных моментах повествования расширяет строфу до пятистишия и шестистишия. У В.А. Жуковского везде четверостишия. Ослабляется в переводе и темп баллады – 18 строфам оригинала соответствует 22. В целом изменяется и ее тон. На смену конкретно-описательному рассказу приходит морально-религиозное повествование, в котором особо подчеркивается дидактическая задача.

В.А. Жуковский по-прежнему не раб переведенного текста. Расширяется описание неприступного епископского замка до восьми строк: «Башня из реннских вод подымалась; / Издали острым утесом казалась, / Грозно из пены торчащим, она; / Стены кругом ограждала волна... / Стены из стали казались сли-

ты, / Были решетками окна забиты, / Ставни чугунные, каменный свод / Дверью железною запертый вход» [3, с. 179–180].

Это описание соответствует менее впечатлительной картине Р. Саути: “I’ll go to my tower on the Rhine”, – replied he, / “’Tis the safest place in Germany; / The walls are high and the shores are steep, / And the stream is strong and the water is deep”. [6, с. 59]. («Я поеду в мой замок на Рейне, воскликнул он, – Это самое безопасное место в Германии; стены высоки, а берега круты, поток силен, вода глубока»).

Добавляет поэт в 21-ой строфе строку, характеризующую его нравоучительный настрой в этот период: «Что тут, епископ, почувствовал ты?» [3, с. 180].

Кроме того, известие о несчастье, случившемся в округе, епископ получает не из уст слуги, как у Р. Саути (“a man from his farm”), он слышит «чудесную ведомость»: «Вдруг он чудесную ведомость слышит: / «Наша округа мышами полна, / В житницах съеден весь хлеб до зерна» [3, с. 179].

Словно оживляя повествование, вводит поэт в пятую строфу прямую речь бедняков, недоумевающих о щедрости жадного епископа: «Дожили мы до нежданного чуда: / Вынул епископ добро из-под спуда; / Бедных к себе на пирушку зовет», – / Так говорил изумленный народ» [3, с. 178].

Таким образом, усиливается тема греха и греховности, раскрываемая как нарушение моральных норм человечности.

Переводчик ослабляет 17-ю строфу Р. Саути – описание вторжения мышей в замок. В оригинале напряжение создается путем нагнетания слов, указывающих направления, по которым врываются в замок звери: “And in at the windows and in at the door, / And through the walls by thousands they pour And from the ceiling and up through the floor, / From the right and the left, from behind and before From within and without, from above and below...” [6, с. 60]. (И в окна, и в дверь, и сквозь стены тысячами они ворвались, и с потолка, и прямо сквозь пол, и слева, и справа, и сзади, и спереди, и внутри, и снаружи, и сверху и снизу...).

В переводе: «Вдруг ворвались неизбежные звери; / Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери, / Спереди, сзади, с боков, с высоты» [3, с. 180].

И. Семенко называла этот перевод из Р. Саути, наряду с переводом «Кубка» из Ф. Шиллера, «самым классическим, непререкаемо-авторитетным переводом «средневековых баллад». Вдохновленный английским первоисточником, русский поэт создал свое оригинальное произведение. Примененный в нем принцип расположения дактилических стоп в строфе стал продуктивной моделью в русской литературе. Один из самых ярких примеров его использования – стихотворение Н. Некрасова «Несжатая полоса» [3, с. 207].

Одновременно с переводом «Суда божьего над епископом» В.А. Жуковский создает практически точный перевод баллады Р. Саути “Queen Orraca, and the Five Martyrs of Morocco” («Королева Урака и пять мучеников из Марокко»). Сюжет английской баллады взят из средневековых религиозных хроник (Chronicle of Affonso II, the Historia of Fr. Manoel da Esperanca). Поэт изменяет стиховую структуру оригинала – нет разделения баллады на пять неравных глав. В целом в переводе преобладает отсутствующий в оригинале оттенок церковного красноречия. Так в переводе появляются строки о «небесном даре учения Христового», о «смирненных мучениках». Рассказывая о подвиге пяти мучеников, В.А. Жуковский вводит строки, усиливающие идею великого мученичества во имя высокой цели: «Свершилось великое их дело: / В небесную они вступили дверь...» [3, с. 199].

Вводится русское «чернец» вместо соответствующего подлиннику “friar” (монах). Отсутствуют в переводе строки, в которых королева опускается на колени перед святыми людьми: “And Queen Orraca in tears / Knel to the holy men”. [6, с. 166].

В переводе лишь упоминается «набожная» Урака – королева, с которой прощаются монахи, просящие молиться о них. Вводит В.А. Жуковский мотив смирения в речь монахов, призывающих Ураку принять свою судьбу: «То суд небесный, он неизменяем; / Смирись, своей покорствуя судьбе» [3, с. 198].

Восполняется в переводе отсутствующая в оригинале история гибели пяти посланников. Поэт добавляет свою строку: «Лежат в пыли, истерзаны мученьем» [3, с. 199].

Менее подробно рассказывает героиня русской баллады королю о своей болезни. Нет в переводе упоминания о головной боли, о сердечном недомогании: «Я чувствую болезни тяжкой бремя» [3, с. 200].

В оригинале баллады призраки исчезают при стуке в дверь привратника, извещающего о смерти королевы. В переводе духовник, поверив словам видений, отправляется сообщить печальную весть королю и слышит звон, извещающий о кончине королевы Ураки.

Все эти изменения носили несущественный характер. Баллада Р. Саути с ее идеями мученичества во имя великой цели, смирения и неотвратимости судьбы, была близка настроением В.А. Жуковского 30-х годов, в связи с этим была переведена достаточно точно.

Баллада «Доника» была переведена в марте 1831 г. и в этом же году опубликована в двухтомном издании «Баллады и повести В.А. Жуковского» и вышедшем немного позднее однотомном издании «Баллады и повести В.А. Жуковского». Перевод представляет собой вольное переложение баллады Р. Саути (1797). Английскому тексту было предпослано авторское предисловие, в котором рассказывалась история, ставшая сюжетом баллады Р. Саути. Эта легенда была обнаружена английским поэтом в примечании к «Иерархии благословенных ангелов» Томаса Хейвуда (1635). В ней шла речь о канале неслыханной глубины, ставшем прибежищем бесу, предвещающему смерть обитателям замка Нью Рок в Финляндии, и о Донике, в которую на два года вселился дьявол. В.А. Жуковский оставил это предисловие непереверденным. Переводчик устранил «финский» колорит баллады: нет упоминания местности, опущено название замка Арлинку. Двадцати девяти строфам оригинала в переводе соответствует 27. Переводчик опускает восьмую строфу – описание внешности героини, стягивает 24-ую и 25-ую строфы в одну (рассказ о дне венчания влюбленных). Изменяются и имена героев – Эввар вместо Эберхард, получает имя и владелец замка Арлинку (у Р. Саути – a Lord of Arlinkow) – Ромуальд.

Текст переведен достаточно свободно. Задача переводчика – донести до читателя смысл баллады, передать общую идею подлинника, не вдаваясь в детали. Идея неумолимой судьбы, рока была близка В.А. Жуковскому. Уже в самом начале баллады поэт вводит читателя в состояние предельного напряжения – ожидания страшных событий: в четвертой строфе поэт добавляет отсутствующую в оригинале строку о шепоте, издаваемом волнами озера во время шторма в ясную погоду: «И в них ужасный шепот был» [3, с. 174].

В описание бури, сокрушающей окрестности, поэт вводит новую деталь: ее силе не может противостоять даже твердая скала: «Случалось, что бурю разима, / Дрожала твердая скала» [3, с. 174].

В финале рассказа, повествующего о таинственном озере, появляются строки о пророческом значении звуков, издаваемых из бездны: «Пророчески, гармонией унылой / Из бездны голос исходил» [3, с. 174].

В описании героини поэт ограничивается несколькими строками: «Пленялось все красотой его Доники / Лицо – как день, глаза – как ночь» [3, с. 175].

Кратко и достаточно традиционно. У Р. Саути описание дано в шести строках: “Donica was the Maiden’s name / As fair might be. / A bloom as bright as opening morn / Suffused her clear white cheek; / The music of her voice was mild / Her full dark eyes were meek” [6, с. 11–12]. (Имя девы было Доника, она была прекрасна настолько, насколько можно быть прекрасной. Румянец яркий, как рассвет, покрывал ее совершенно белые щеки, музыка ее голоса была мягкой, ее большие темные глаза были кротки).

В.А. Жуковский опускает эти строки, по-видимому, сознавая, что столь поэтическое описание могло несколько нейтрализовать фантастику ужаса, важную для поэта в разработке темы баллады, – неотвратимости рока, определенного человеку свыше.

Героиня русской баллады как бы предчувствует свою участь, даже видимое счастье не способно заглушить горького чувства: «Любовь в груди невесты пламенела / И в темных таяла очах; / На жениха с тоской она глядела: / Ей в душу вкрадывался страх» [3, с. 175].

Торжественно и поэтично описывает поэт день приближающегося венчания двух влюбленных: «... и скоро уж наступит / желанный, сладкий час, когда / Во храме их священник совокупит / Святым союзом навсегда» [3, с. 175].

Нет у Р. Саути излюбленных В.А. Жуковским эпитетов «желанный, сладкий час», «святым союзом». В оригинале проще: “Together did they hope to tread / The pleasant path of life, / For now the day drew near to make / Donica Eberhard’s wife” [6, с. 12]. (Они надеялись вместе пройти славной дорогой жизни, приближался день, в который Доника станет женой Эберхарда).

Видимо, слишком значимо было для поэта это событие – любовь, скрепленная священником навсегда святым союзом, чтобы упомянуть о нем вскользь.

В некоторых местах перевод слабее подлинника. Например, в десятой строфе поэт описывает вечер: «Был вечер тих, и небеса атели; / С невестой шел рука с рукой / Жених, они на озеро глядели / И улаждались тишиной.» [3, с. 175].

Это заменило великолепную строфу Р. Саути: “The eve was fair and mild the air / Along the lake they stray; / The eastern hill reflected bright / The tints of fading day”. [6, с. 12]. (Вечер был прекрасен, воздух мягок, вдоль озера они блуждали, на восточном холме ярко отражались краски увядающего дня).

Вероятно, и это описание могло произвести успокоительное воздействие как раз накануне разворачивающихся страшных событий. Даже кульминационные строки у В.А. Жуковского более напряжены. Пучина издает не музыку (“sent its music from beneath”), а «унылый, тихий и глубокий голос», героиня не просто безжизненно падает (“the Maiden lifeless fell”), она становится «сумрачно-тиха», «трепещет, охладела и пала». Герой, ставший очевидцем столь страшной картины, не находит себе места: «Оцепенев в безумстве исступленья, / Отчаянный он поднял крик... / Он рвется... плачет...» [3, с. 176].

Эти строки значительно эмоциональнее передают состояние души Эввара, чем в подлиннике, да и многоточие,

использованное В.А. Жуковским, концентрирует внимание на чувствах героя.

Выводы. Восприятие Р. Саути В.А. Жуковским отразило творческую эволюцию поэта. Трансформируя балладу в эпическое повествование, оба поэта делали акцент на сходных темах и сюжетах, для обоих средневековье представляло сферу идеала и экзотики, оба придавали значение морально-религиозному пафосу произведения, оба были сходны в постановке проблемы положительного героя. Однако несмотря на сходство принципов и исканий, нельзя говорить лишь о переводе, речь следует вести о создании в русской литературе произведений, а в их лице особого романтизма, сложившегося не без влияния английского романтика, но и не тождественного его образцам.

Литература:

1. Аринштейн Л.М. Жуковский и поэма о 1812 году Роберта Саути / Жуковский и русская культура. – Л.: Наука, 1987. – С. 311–322.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. / Под ред. проф. А.С. Архангельского. – Пб.: А.Ф. Маркс, 1902. – Т. 11–12. – 312 с.
3. Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. – М.-Л.: Гослитиздат, 1959. – Т. 2. – 486 с.
4. Жуковский В.А. Стихотворения: В 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1940. – Т. II. – 557 с.

5. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. – М., 1895. – 322 с.
6. Southey R. The Poetical Works of Robert Southey collected by himself in 10 vol. – London, 1841. – Vol. VI. – 285 p.

Микитюк С. С. Трансформація баладної поезики Р. Сауті у перекладі В. А. Жуковського у 1830-і роки

Анотація. Стаття присвячена особливостям перекладів балад Р. Саути В. А. Жуковським у 1830-і роки, пов'язаним з жанровими пошуками російського поета. Ця робота готувала появу «дидактичного епосу» 1830–40-х років у творчості російського романтика.

Ключові слова: балада, переклад, романтизм, В. А. Жуковський, Р. Сауті.

Mykytiuk S. Transformation of ballad poetics by R. Southey in translation by V. A. Zhukovskiy in the 1830s

Summary. The article is devoted to the peculiarities of the translations by V. A. Zhukovsky of the ballads by R. Southey in the 1830s, connected with the genre searches of the Russian poet. This work prepared the appearance of the “didactic epic” in the poetry of the Russian romanticist in the 1830s–40s.

Key words: ballad, translation, romanticism, V. A. Zhukovsky, Robert Southey.